

ПИЛЛЕ ЭСЛОН (Таллинн)

О ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ АНАЛИТИЧЕСКИХ ГЛАГОЛОВ ЭСТОНСКОГО ЯЗЫКА*

Резюме. Эстонские синтетический и аналитический глаголы (именной центр + ядерный глагол; глагольная форма + ядерный глагол) можно объединить в пару на основе различия аспектуального компонента их значения. В известных условиях в эстонском языке в паре синтетический/аналитический глагол можно видеть постепенный процесс развития формообразования. Для выявления противопоставленности синтетического и аналитического глаголов необходимо исследовать типологию аспектуальных ситуаций, в частности же, наличие и характер обстоятельственного распространителя предложения. Еще рано заключать, будто перед нами оппозитивные отношения. Ввиду отсутствия грамматической категории вида в эстонском языке случаи развития аспектуальной противопоставленности между лексико-семантически параллельными синтетическими и аналитическими глаголами следует рассматривать как явление периферийное и неопозитивное. Вместе с тем наличие и развитие такого рода противопоставленности синтетического и аналитического глаголов свидетельствует о продолжающемся процессе грамматикализации в системе эстонского языка.

1. Постановка вопроса

В разные времена интерес к проблеме развития аналитизма в языке то обострялся, то угасал. Вспомним хотя бы дискуссии и конференции, посвященные аналитизму (например, Проблемы аналитизма 1967; Проблемы лексикологии и грамматики 1967); теоретические рассуждения по поводу аналитических форм, аналитических слов и конструкций (например, Аналитические конструкции в языках различных типов 1965); труды В. В. Виноградова (1972) и В. М. Жирмунского (1976), обсуждение аналитизма в связи с языковой вариативностью, в том числе и семантической сочетаемостью слов (например, Гак 1998; Павлов 1998); исследования типологов (например, Типология императивных конструкций 1992; Kasik 2001); изучение типологии грамматикализации и реграмматикализации на материале разных языков (например, Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие 2003); размышления об аналитизме в связи с лексикализацией и граммати-

* Работа выполнена при поддержке гранта 0132493c03 «Eesti keelekeskkonna arengu analüüs, modelleerimine ja juhtimine».

кализацией, сопровождающих развитие системы языка в целом (например, Metslang 1994; Леман 1997; Metslang 2000; 2002; Grünthal 2002; Veismann, Tragel, Pajusalu 2002) и т.д.

Нас интересует вопрос аналитизма прежде всего в плане ограничения аналитических глаголов от аналитических форм глагола — анализ проводится на материале сопоставления русского языка, преимущественно синтетического, и эстонского, тяготеющего к аналитическому строю, однако все больше развивающего черты флективности, о чем см. Rätsep 1956; 1957; Viitso 1990; Sutrop 1997.

В этом аспекте автора интересует, являются ли эстонские глаголы типа *mõjuma* 'влиять' — *mõju avaldama* 'повлиять' и *kirjutama* 'писать' — *alla kirjutama* 'подписывать/подписать' производными одного глагола (формообразование) или же разными глаголами (словообразование)? В первом случае мы полагаем, что при наличии известных условий синтетический и аналитический глаголы начинают противопоставляться по аспектуальному компоненту значения, см. *mõjuma* 'влиять' — *mõju avaldama* 'повлиять'. Во втором случае на базе синтетического глагола образуется новое слово — аналитический глагол, который конкретизирует действие синтетического глагола акционально, уточняя его предельность и способ осуществления, см. *kirjutama* 'писать' — *alla kirjutama* 'подписывать/подписать'. Это свидетельствует о том, что в системе эстонского глагола можно наблюдать, с одной стороны, определенную степень грамматикализованности аналитических глаголов, а с другой, рождение новых аналитических глаголов как самостоятельных лексических единиц. При этом любопытно проследить, в каких условиях аналитические глаголы эстонского языка начинают постепенно входить в противопоставление с синтетическими, соответствующими им лексико-семантически, однако отличающимися оттенком аспектуального значения, а при каких условиях этого не происходит.

Аналогичный (и можно сказать — параллельный) вопрос остается актуальным для исследователей русского языка — образуется ли в результате суффиксации/префиксации новое слово (словообразование, или лексическая деривация) или перед нами две грамматические формы одного слова (формообразование, или грамматическая деривация), т. е. видовая пара. При этом для русского языка существенно определение инвариантного значения несовершенного (НСВ) и совершенного (СВ) видов (Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ 1997). Решение проблемы инвариантного значения видов имеет, помимо теоретического, и чисто прикладной аспект — лексикографическое представление аспектуальной информации (например, Зализняк, Шмелев 2000 : 97—103). Аналогично вопрос ставился при лексикографическом описании эстонских аналитических глаголов (см. Пихлак 1985 : 141; Pihlak 1991).

В этом отношении интересно установить межъязыковые корреляции и выяснить, как в переводе на эстонский язык соотносятся между собой грамматическая категория русского вида и выбор синтетических/аналитических форм или же аналитических глаголов? Поскольку в эстонском языке нет грамматической категории вида, то сопоставление с русским языком является одним из методов выявления воз-

возможной грамматикализации или лексикализации аналитических глаголов (см. об этом Eslon 2004 : 103—122).

Поиски коррелятивности между русским и эстонским языками в выражении аспектуальных значений немислимы вне дискурса, в котором раскрывается семантическая сочетаемость глагола, обуславливающая также его грамматическую сочетаемость¹. Это положение стало аксиомой, см., например, закон семантического согласования В. Г. Гака (1973) и его применение М. В. Всеволодовой с целью изучения закономерностей семантического сочетания русского глагольного вида с именными темпоральными группами (Всеволодова 1997). В плане сопоставления функционирования русского вида и соответствующих ему в эстонском языке синтетических /аналитических форм или же синтетических и аналитических глаголов данное положение существенно. Лишь опираясь на исследование семантической и грамматической сочетаемости слов, можно вообще наиболее адекватно описать те регулярные соотношения, которые имеются в разных языках между лексикой и грамматикой. На этой основе наблюдаются параллельные тенденции, определяющие возможности применения ресурсов разных языков для выражения аспектуальных значений высказывания, в том числе и развития грамматикализации или лексикализации аналитических глаголов эстонского языка. Известно (см., напр., Lehmann 1995), что развитие грамматикализации — процесс диахронический, основывающийся на разных факторах, среди которых и контекстуально-ситуативная вариативность употребления языковых единиц. Исследователь отмечает, что в теоретическом плане можно выделить языки с разной степенью выраженности грамматикализации: наименьшей в изолированных языках, постепенно нарастающей в синтетически-агглютинативных языках (как эстонский) и синтетически-флективных языках (как русский). Последуют этапы полной грамматикализации и деграмматикализации. Вместе с тем грамматикализацию можно исследовать и в синхронном плане, что поможет увидеть живые процессы в развитии языков.

В статье мы попытаемся показать, что при употреблении аналитических глаголов в эстонском языке наблюдаются две тенденции развития аналитизма.

С одной стороны, на основе лексико-семантически тождественных глаголов — синтетического и аналитического — начинают складываться аналоги русского видового (грамматического) противопоставления. Подобные пары удалось выделить в переводных соответствиях русским парновидовым глаголам суффиксального образования, реже — одновидовым глаголам НСВ и в единичных случаях — одновидовым глаголам СВ. Источником информации послужил электронный вариант составленного нами «Русско-эстонского словаря сочетаемости глаго-

¹ В целом считается, что семантическая сочетаемость русского глагола довольно жестко ограничена, в то время как у эстонского глагола она относительно свободна (Õim 1980). Этот тезис имеет аргументы как «за», так и «против». Например, с одной стороны, рус. *стирать белье*, но *мыть посуду*, чему соответствует один глагол эст. *peseta*: и *pesu peseta*, и *põusid peseta*; но с другой стороны, в русском языке и *звезды*, и *огни*, и *снег*, и *золото блестит*, в то время как в эстонском языке *tähed* 'звезды' и *tuled* 'огни' *säravad*, но *lumi* 'снег' *sätendab* и *kuld* 'золото' *hiilgab* и т.д.

лов». Например: *mõjuma / mõju avaldama* 'влиять/повлиять', *tagastama / tagasi andma* 'возвращать/возвратить', *väitlema / vastu väitma* 'возражать/возразить', *paranema / terveks saama* 'выздоровливать/выздороветь', *lõpetama / lõpule viima* 'завершать/завершить', *teatama / teatavaks tegema* 'сообщать/сообщить' и др. В приведенных парах, составляющих 4% общего объема словаря (около 1000 заглавных слов), синтетический и аналитический глаголы в целом семантически тождественны. Их отличие заключается в том, что синтетический глагол называет действие вообще, абстрактно, безотносительно или нейтрально по отношению к его предельности (ср. *tagastama* 'возвращать', *teatama* 'сообщать', *tervenema* 'выздоровливать'), в то время как именной компонент в составе аналитического глагола конкретизирует действие, ограничивает его определенным пределом, в частности, указанием на конечный или начальный пункт в протекании действия, полноту и исчерпанность осуществления действия, например, *tagasi andma* = конечная фаза (субъект кончил процесс возвращения чего-либо и в результате адресат что-то получил); *teatavaks tegema* = начальная фаза (субъект кончил оглашение информации, а адресат получил информацию); *terveks saama* = полнота, исчерпанность действия, переход в состояние здорового человека.

На структурно-грамматическом уровне синтетический глагол характеризуется однокомпонентностью, соотносимой с абстрактностью и полифункциональностью единицы языка, и морфологической маркированностью признака постоянности действия — такие глаголы, как правило, имеют специальный суффикс, характеризующий процессность, длительность действия (типа *-ata-*, *-uta-*, *-i-*, *-a-* и др., отмеченные Х. Рятсепом (Rätsep 1956) как нерегулярные средства выражения аспектуальности эстонского глагола). Параллельный аналитический глагол отличается структурной двухкомпонентностью и соотносимой с этим явлением семантической дифференцированностью значения. Таким образом, само явление соотносительности между синтетическими и аналитическими единицами языка становится одним из структурно-грамматических факторов сужения, конкретизации семантики аналитических глаголов. Подобное понимание подкрепляется наблюдениями о функционировании эстонских ядерных глаголов: между абстрактностью синтетической единицы языка и конкретностью соответствующей ей аналитической существует отношение коррелятивности (Tragel 2001a). В свое время А. Пихлак отметил, что у обоих глаголов такой пары общий референт, который аналитические глаголы представляют «в каком-то ином ракурсе» и поэтому их целесообразно «включить в глагольную парадигму наряду с синтетическими» (1985 : 138—139). Основанием подобной глагольной парадигмы является, на наш взгляд, постепенное развитие противопоставленности по аспектуальному компоненту значения отвлеченного синтетического и более конкретного аналитического глаголов. А. Пихлак полагает, что это должно быть учтено «при разработке принципов лексикографического представления глагольного значения в [---] эстонско-русских словарях» (1985 : 141).

С другой стороны, имеются случаи, особенно в эстонских соответствиях русским парновидовым глаголам префиксального образова-

ния, когда аналитические глаголы в большинстве своем не составляют пар с синтетическими (38% из общего объема словаря), что говорит об их самостоятельности, лексикализованности. Например: *järele andma* 'уступать/уступить', *ümber kirjutama* 'переписывать/переписать', *läbi lugema* 'прочитывать/прочитать', *juurde kirjutama* 'приписывать/приписать' и др. Сравнивая семантику аналитического глагола с семантикой синтетического в его составе, становится ясно, что введение адвербиального компонента обуславливает смену референции — описывается новый способ протекания или осуществления действия. Например, *andma* 'давать/дать' и *järele andma* 'уступать/уступить' — в переводе хорошо отражена смена акциональности. Следовательно, необходимо четко разграничить возможные аналитические формы глагола, начинающие противопоставляться синтетическим глаголам, тождественным им лексико-семантически, и аналитические глаголы как самостоятельные лексические единицы словаря.

2. Об аналитических глаголах

Аналитические глаголы эстонского языка образуются по модели 1) глагольного сочетания с некоторыми падежными формами существительного, например, *nalja tegema* 'пошутить' (партитив от *nali* 'шутка'), *arvesse võtma* 'учесть' (иллатив от *arve* 'счет') и др. или 2) прилагательного, например, *terveks saama* 'выздороветь' (транслатив от *terve* 'здоровый'), *vihaseks saama* 'рассердиться' (транслатив от *vihane* 'сердитый'), *vabaks laskma* 'освободить' (транслатив от *vaba* 'свободный') и др.), а также по модели 3) глагольного сочетания типа *kuulda saama* 'услышать', *teada andma* 'известить' и 4) сочетания глагола с причастиями типа *väsinud olema* 'устать', *vaimustatud*, *kütkestatud*, *võlutud olema* 'восхититься' и 5) адвербиально-глагольные сочетания типа *tagasi andma* 'возвратить', *vastu väitma* 'возразить', *järele andma* 'уступить' и др.

Семантически все приведенные разновидности аналитических глаголов составляют смысловое целое, центром которого может быть или глагол, или имя. Значение центрального глагольного компонента осложняется или же модифицируется полуграмматикализованными наречиями ориентации, перфективности, состояния, модальности (типа *maha kukkuma* 'упасть', *tagasi andma* 'возвратить', *tarvis minema* 'понадобиться'), а также полностью грамматикализованным собственно перфективирующим словом *ära* ('прочь', 'от'): *ära andma* — 'отдать'. Значение же центрального именного компонента осложняется в основном (полу)грамматикализованными ядерными глаголами (типа *saama* 'получать/получить'; *minema* 'идти, пойти'; *tegema* 'делать/сделать'; *olema* 'быть'; *tulema* 'приходить/прийти; понадобиться'; *võtma* 'брать/взять'; *laskma* 'пускать/пустить'; *andma* 'давать/дать' и др.: *nalja tegema* 'шутить/пошутить', *terveks saama* 'выздороветь'). Ядерные глаголы сочетаются также с глагольными формами, образуя аналитические глаголы типа *kuulda* (*da*-инфинитив) *saama* 'услышать'; *teada* (*da*-инфинитив) *andma* 'известить'; *väsinud* (*nud*-причастие) *olema* 'устать'.

По степени спаянности компонентов часть аналитических глаголов являются более или менее расчлененными единицами словаря —

например, адвербиально-глагольные типа *peale käima* 'настаивать, нажимать'; *maha võtma* 'снимать/снять, сбрасывать/сбросить' и т.д. Здесь между русским и эстонским языками наблюдается словообразовательная аналогия — соотносятся эстонские наречия типа *peale*, *maha* и русские префиксы *на-* и *с-*, в обоих языках указывающие на способ осуществления действия. Такую же аналогию можно видеть и между эстонскими адвербиально-глагольными и немецкими *Partikel-verb* («партиклевые» глаголы): *maha* = *ab-*, *peale* = *auf-*, *välja* = *aus-*, *üle* = *über-* и т.д. К. Хасселблатт, изучающий этот вопрос подробно, считает расчлененность (делимость) компонентов адвербиально-глагольных сочетаний тем признаком, по которому они отграничиваются от нерасчлененных (неделимых) аналитических глаголов, имеющих в качестве семантического ядра имя или глагольные формы и относящихся к фразеологизмам (Hasselblatt 1990 : 36 и след.). В этом отношении К. Хасселблатт опирается на статьи Х. Рятсепа, в которых исследователь четко пишет, что аналитические глаголы, имеющие в качестве семантического ядра имя или глагольные формы, относятся к словам нерасчлененным, имеющим идиоматический характер. И поэтому, видимо, Х. Рятсеп рекомендовал рассматривать эту группу аналитических глаголов отдельно — у них имеется свой тип дистрибуции, отличный от дистрибуции компонентов аналитического глагола (см. Rätsep 2002 : 163—170). Их основная лексико-грамматическая функция — указывать на ограниченность действия каким-либо пределом:

а) аналитические глаголы с глагольными формами типа *kuulda saama* 'услышать' = с точки зрения субъекта завершение, конечная точка, т.е. получение информации, *teada andma* 'известить' = с точки зрения субъекта конечный момент оповещения, а с точки зрения адресата — начальная точка, т.е. получение информации, *väsinud olema* 'устать' = с точки зрения субъекта переход в новое состояние, начало состояния усталости и т. п.;

б) аналитические глаголы с именным ядром типа *nalja tegema* 'пошутить' (партитив от *nali* 'шутка'), *arvesse võtma* 'учесть' (иллатив от *arve* 'счет'), *terveks saama* 'выздороветь' (транслатив от *terve* 'здоровый'), *vihaseks saama* 'рассердиться' (транслатив от *vihane* 'сердитый') и др., которые в качестве семантического центра чаще всего имеют падежную форму партитива, иллатива или транслатива, а в качестве глагольного компонента — частично или полностью грамматикализованный ядерный глагол. Ввиду семантической опустошенности и грамматикализованности класса ядерных глаголов они способны сочетаться с другими словоформами, образуя новые слова идиоматического характера. По нашим наблюдениям, именно такого рода аналитические глаголы имеют лексико-семантически параллельные синтетические глаголы, например, *naljatama* 'шутить' и *nalja tegema* 'пошутить'. Наличие параллельных единиц, появление языковой вариативности — это определенный этап, предшествующий грамматикализации (см. Ehala 1996 : 381 и след.). В частности, тождественные лексико-семантически, синтетический и аналитический глаголы начинают дифференцироваться и противопоставляться по значению и форме, что сопровождается ограничением их дистрибутивных возмож-

ностей. В данном случае конкретизация семантики и сужение дистрибуции аналитического и синтетического глаголов проходит по аспектуальному компоненту значения: суффикс *-ta-* синтетического глагола *naljatama* 'шутить' имеет грамматическое значение постоянной повторяемости действия, а аналитический глагол *nalja tegema* 'пошутить' выражает значение конкретного факта. Мы уже сослались на Х. Рятсепа, который в свое время отметил, что в эстонском языке имеются некоторые глагольные суффиксы повторяемости, многообразности действия, употребляемые, однако, в качестве морфологического средства имперфективации нерегулярно. Поэтому действительно нет основания говорить о наличии в эстонском языке грамматического, морфологизированного средства выражения аспектуального значения. Вместе с тем синтетические глаголы, содержащие подобного рода суффиксы, склонны, по нашим наблюдениям, входить в отношения противопоставленности с аналитическими глаголами, тождественными им лексико-семантически. Следовательно, если аспектуальную семантику синтетических единиц языка невозможно регулярно дифференцировать морфологически, то язык выбирает другие способы — лексико-семантический и структурно-грамматический.

3. Противопоставленность синтетического и аналитического глаголов

Выше отмечено, что в противопоставление с синтетическими глаголами, по данным «Русско-эстонского словаря сочетаемости глаголов», вступают преимущественно аналитические глаголы с именным центром, содержащие какой-нибудь из ядерных глаголов эстонского языка, выделенных и описанных в Tragel 2001a; 2001; Veismann, Tragel, Rajusalu 2002. В условиях противопоставленности синтетический глагол указывает, как правило, или на ситуацию длительности, неисчерпанности, постоянности, или на ситуацию нахождения в состоянии, или просто называет какое-либо событие в самом общем плане, в то время как аналитический глагол конкретизирует описываемое действие, указывая на реальную возможность, на начало или завершение действия, возникновение нового состояния или переход в новое состояние, в новую фазу в развитии действия, нередко на исчерпанность действия. При этом члены пары синтетический/аналитический глагол могут иметь колебания в семантической и грамматической сочетаемости. Покажем это на примере трех групп семантически параллельных глаголов, в которых между синтетическим и аналитическим глаголами противопоставленность имеет разную степень.

Во-первых, пары синтетический/аналитический глагол типа *tülitsema / tülli minema* 'ссориться/поссориться'; *nõustuma / nõus olema* 'соглашаться/согласиться'; *sirgestama / sirgeks tegema* 'выпрямлять/выпрямить'.

Например: а) презенс: *Mart tülitseb Antsuga* 'Март ссорится (настоящее НСВ) с Антсом'. Формой настоящего времени синтетического глагола в эстонском предложении выражается постоянный процесс. Основное морфологическое средство, допускающее возникновение аспектуальной семантики постоянного процесса в эстонском языке — суффикс *-tse-*, а в русском — форма настоящего времени НСВ. Если

апробировать возможность выражения этого значения формами прошедших времен эстонского языка, изменений не будет, ср.: б) имперфект: *Mart tülitseks Antsuga* 'Март ссорился (прошедшее НСВ) с Антсом' и в) перфект: *Mart on tülitsemud Antsuga* '(в прошлом) Март и Антс ссорились/поссорились'. При аналогичном употреблении параллельного аналитического глагола *tülli minema* 'поссориться' конкретизируется реальная возможность, начальный момент или конечный результат действия: а) презенс: *Mart läheb Antsuga tülli* 'Март поссорится (будущее СВ) с Антсом' — ссора реально может начаться; б) имперфект: *Mart läks Antsuga tülli* 'Март и Антс начали ссориться' — начальный момент ссоры в прошлом; конец дружеских отношений; в) перфект: *Mart on Antsuga tülli läinud* 'Март поссорился (прошедшее СВ) с Антсом' — Март и Антс полностью в ссоре — конечный результат.

На основе этих примеров можно говорить о существовании в эстонском языке внутренней структурно-грамматической дифференцированности аспектуальной семантики противопоставленных синтетических (наличие специализированного морфологического средства, в данном случае — суффикса *-tse*) и аналитических глаголов (аналитическая структура). У членов подобной противопоставленности может быть одинаковый набор временных обстоятельственных распространителей типа *iga päev* 'каждый день', *alati* 'всегда, постоянно', *kolm korda kuus* 'три раза в месяц': *Mart tülitseb Antsuga alati / Mart läheb Antsuga alati tülli* 'Март всегда ссорится с Антсом' / '*Март всегда поссорится с Антсом' (в русском языке лексический показатель постоянности действия логически не сочетается с грамматическим значением СВ).

Во-вторых, пары синтетический/аналитический глагол типа *tervenema / terveks saama* 'выздоровливать/выздороветь'; *kannatama / kannatada saama* 'страдать/пострадать'.

Например, употребление синтетического глагола *tervenema* 'выздоровливать': а) презенс: *Haige terveneb* 'Больной выздоравливает' (настоящее НСВ) — значение постоянного процесса в настоящем; б) имперфект: *Haige tervenes* 'Больной выздоравливал' (прошедшее НСВ) — значение постоянного процесса в прошлом; в) перфект: *Haige on tervenenud* — постепенный процесс выздоровления, т.е. больной выздоравливал, но до конца еще не выздоровел.

При употреблении аналитического глагола *terveks saama* 'выздороветь' выражаются следующие значения: а) презенс: *Haige saab terveks* 'Больной выздоровеет' (будущее СВ) — у больного имеется реальная возможность стать здоровым; б) имперфект: *Haige sai terveks* 'Больной выздоровел' (прошедшее СВ) — конечная фаза в достижении результативности действия; в) перфект: *Haige on terveks saanud* 'Больной выздоровел' (прошедшее СВ) — полное достижение результата, переход в новое состояние.

Употребление пары глаголов *tervenema / terveks saama* показывает также, что в эстонском языке имеется свой внутриязыковой потенциал структурно-грамматических средств выражения аспектуальных значений: однокомпонентность и наличие морфологического показателя аспектуальности (в данном случае суффикс *-ne-*) у синтетического гла-

гола и их отсутствие у лексико-семантически параллельного аналитического глагола. Отличие от первой группы примеров заключается в отсутствии одинакового семантического согласования с обстоятельными словами, в частности, с обстоятельствами степени и меры *oluliselt* 'существенно', *tunduvalt* 'значительно' и др., с которыми употребление аналитического глагола неуместно, поскольку логически противоречит его семантике: **Haige saab oluliselt (tunduvalt) terveks* 'Больной существенно (значительно) выздоровеет'; **Haige sai oluliselt (tunduvalt) terveks* 'Больной существенно (значительно) выздоровел'; **Haige on oluliselt (tunduvalt) terveks saanud* 'Больной существенно (значительно) выздоровел'. Вместе с тем с синтетическим глаголом, например в форме перфекта, обстоятельства меры и степени буквально напрашиваются, например, *Haige on oluliselt (tunduvalt) tervenunud* 'Больной стал существенно (значительно) здоровее'.

В-третьих, пары синтетический/аналитический глагол типа *sirutama / sirgeks ajama* 'протягивать/протянуть, вытягивать/вытянуть, выпрямляться/выпрямиться'; *soojendama / soojaks tegema* 'согревать/согреть'. Например, употребление синтетического глагола *sirutama*: а) презенс: *Ma sirutan su poole käe* (генитив ед.ч.), *kätt* (партитив ед.ч.), *käed* (номинатив мн.ч.), *käsi* (партитив мн.ч.) 'Я протягиваю (настоящее НСВ) к тебе руку' (винит. падеж ед.ч.), 'руки' (винит. падеж мн.ч.). Парный аналитический глагол не имеет такой сочетаемости: **Ma ajan su poole käe (kätt, käed, käsi) sirgeks*. Ср. также *Ta sirutab jalgu* (партитив мн.ч.) 'Он вытягивает (настоящее НСВ) ноги' и **Ta ajab jalgu* (партитив мн.ч.) *sirgeks* 'делает так, чтобы ноги стали прямыми'.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в прямом значении синтетический и аналитический глаголы имеют разную как семантическую, так и грамматическую сочетаемость.

Более четко аналогичное явление наблюдается при употреблении пары *soojendama / soojaks tegema* 'согревать/согреть'.

Например: а) презенс: *Ma soojendan kätt* (партитив ед.ч.), *käsi* (партитив мн.ч.) 'Я согреваю (настоящее НСВ) руку (винит. падеж ед.ч.), руки (винит. падеж мн.ч.)' — значение процессности действия выражается в эстонском языке морфологически (суффикс многократности, постоянности действия *-nda-*) и синтаксически (партитивный объект указывает на неполную охваченность объекта действием, т.е. не весь человек, а только руки). Замена синтетического глагола аналитическим здесь невозможна: **Ma teen kätt (käsi) soojaks*. Поскольку аналогичная схема избирательности в употреблении синтетического и аналитического глаголов наблюдается и в формах прошедших времен, то их описание здесь не обязательно. Отметим, что сочетаемость аналитического глагола ограничена в основном сферой конкретно-предметных объектов. Так, глагол *soojaks tegema* 'согреть' в эстонском языке сочетается с существительными 'руки', 'суп', 'сосиски': *Ema teeb supi* (генитив ед.ч.), *suppi* (партитив ед.ч.) *soojaks* 'Мама согреет, согревает суп'. В зависимости от падежа объекта в эстонском языке действие аналитического глагола интерпретируется или как реально возможное (генитивный объект), или как процессное (партитивный объект).

Итак, разграничение аспектуальных значений членов пары синтетический/аналитический глагол проводилось с учетом их лексико-семантического аспекта, структурно-грамматического расхождения, особенностей в лексической и грамматической сочетаемости, а также контекстуальной обусловленности употребления.

Лексико-семантический аспект слова отражает естественное логико-содержательное основание распределения семантически параллельных синтетических и аналитических глаголов на неопределенные (процессные) и ограниченные пределом (начальный/конечный пункт, исчерпанность действия). Подобное деление находится в корреляции с семантической отвлеченностью синтетических и конкретностью аналитических глаголов, поскольку имеется соотносительность между однокомпонентностью единицы языка и ее полифункциональностью.

По нашим данным, в составе аналитического глагола эстонского языка (с именным центром или глагольной формой в этой функции) встречались чаще всего ядерные глаголы *tundma* (*kadedust tundma* 'позавидовать'), *tegema* (*soojaks tegema* 'согреть'), *andma* (*teada andma* 'известить'), *olema* (*väsinud olema* 'устать') и *saama* (*terveks saama* 'выздороветь'). Частотность их употребления колеблется от трех до шести. Употребление остальных глаголов — самая разная, а по частотности они преимущественно одноразовые. Все это указывает на развитие лексической несамостоятельности, частичной грамматикализации аналитических глаголов в системе эстонской глагольной лексики.

Поскольку логико-содержательный аспект номинации является естественным основанием выделения семантических полей, общих категориальных и частных грамматических значений (см. Бондарко 1981), этот аспект скрыто отражается как в структурно-грамматических, так и в сочетаемостных особенностях синтетических и аналитических глаголов, а также в контекстуальных условиях их употребления. При этом наблюдаются следующие соотносительности.

Во-первых, если в паре синтетический/аналитический глагол аспектуальное значение выражается преимущественно лексико-семантически (см. глаголы первой группы), то не допускаются синтаксические показатели неопределенности/определенности действия, в частности, номинативный, генитивный или партитивный объект (ср. *tülitsema / tülli minema kellega?* 'с кем?'), а контекстуальные показатели — обстоятельства времени — одинаково возможны. Для разграничения их аспектуального значения не существенно и сравнивать формы прошедших времен (имперфекта и перфекта), что, однако, важно при апробации вида в русском языке.

С точки зрения дифференциации аспектуального компонента значения синтетического и аналитического глаголов существенным является в данном случае их структурно-грамматическое различие: однокомпонентность и наличие морфологического показателя (суффиксы неопределенности, многократности, повторяемости, постоянности действия) у синтетических глаголов и структурная двухкомпонентность у аналитических глаголов. Кроме того, своеобразным индикатором в дифференциации аспектуального значения выступает план настоящего, потому что форма настоящего времени синтетического гла-

гола описывает аспектуальное значение настоящего процессного или постоянного, а форма настоящего времени аналитического глагола — модальное значение реальной возможности или постпрезентный начальный/конечный момент действия.

Во-вторых, если аспектуальное различие членов пары синтетический/аналитический глагол на лексико-семантическом уровне четко не осознается (см. глаголы второй группы), то помимо структурно-грамматического различия существенным критерием в дифференциации их аспектуального значения становится контекст. В частности, при употреблении аналитического глагола не допускаются обстоятельства меры и степени, которые, однако, при синтетическом глаголе обязательны — иначе предложение будет информативно недостаточным.

В-третьих, если лексико-семантическое разграничение аспектуальности членов пары синтетический/аналитический глагол является аморфным, неошутимым, то это присуще прежде всего глаголам, допускающим наличие номинативного, генитивного или партитивного объекта. В зависимости от неопределенности/определенности действия выбирается соответственно или партитивный, или генитивный (номинативный) объект. Этот синтаксический критерий ставит ограничение на сочетаемость членов пары синтетический/аналитический глагол: с партитивным объектом нормативно употребление синтетического глагола, в остальных случаях — аналитического. Если же синтетический глагол использовать с генитивным (номинативным) объектом, то предложение информативно недостаточно и нуждается в контекстуальном восполнении, порою, в раскрытии подразумеваемого события. Аналогично воспринимается употребление аналитического глагола с партитивным объектом. Следовательно, в данном случае в дифференциации аспектуальности членов пары синтетический/аналитический глагол между собой соотносятся синтаксические признаки (падеж объекта), структурно-грамматические особенности членов пары и наличие соответствующего контекста, возможного или в неопределенной или в определенной ситуации.

Таким образом, эстонские синтетический и аналитический глаголы (именной центр + ядерный глагол; глагольная форма + ядерный глагол) можно объединить в пару на основе различия аспектуального компонента их значения, поскольку для этого имеются свои лексико-семантические и структурно-грамматические средства, а также известная избирательность по отношению к типу контекста (аналогичное было замечено М. В. Всеволодовой в связи с исследованием закономерностей семантического сочетания русского глагольного вида с именными темпоральными группами слов, Всеволодова 1997).

По мнению А. Мартине (1965 : 451), невозможность употребления двух единиц языка в одном типе контекста свидетельствует об их оппозитивности. Ф. Леман (1997 : 55) считает, что функциональная облигаторность членов оппозиции указывает на грамматическую деривацию. Следовательно, в проанализированных случаях перед нами разные степени лексико-семантической и структурно-грамматической противопоставленности и тем самым грамматикализованности синтетического и аналитического глаголов. Это подтверждает, что в из-

вестных условиях в эстонском языке в паре синтетический/аналитический глагол можно видеть постепенный процесс развития формообразования. Для выявления противопоставленности синтетического и аналитического глаголов необходимо исследовать типологию аспектуальных ситуаций, в частности же, наличие и характер обстоятельственного распространителя предложения. В правомерности данного рассуждения можно убедиться на примере условий функционирования аналитических каузативных глаголов эстонского языка (Kasik 2001).

Вместе с тем совершенно очевидно, что на основе проделанного анализа еще рано заключать, будто перед нами оппозитивные отношения. Ввиду отсутствия грамматической категории вида в эстонском языке случаи развития аспектуальной противопоставленности между лексико-семантически параллельными синтетическими и аналитическими глаголами (с именным ядром или глагольной формой в этой позиции) следует рассматривать как явление периферийное и квалифицировать в качестве неопозитивного структурно-грамматического различия в выражении аспектуального компонента значения. Вместе с тем наличие и развитие такого рода неопозитивной противопоставленности синтетического и аналитического глаголов свидетельствует о продолжающемся процессе грамматикализации в системе эстонского языка.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Аналитические конструкции в языках различных типов, Ленинград 1965.
- Б о н д а р к о А. В. 1981, О структуре грамматических категорий (Отношения оппозиции и неопозитивного различия). — ВЯ № 6, 17—28.
- 2002, Теория значения в системе функциональной грамматики. На материале русского языка, Москва.
- В и н о г р а д о в В. В. 1972, Русский язык (грамматическое учение о слове), Москва.
- В с е в о л о д о в а М. В. 1997, Аспектуально значимые лексические и грамматические семы русского глагольного слова (Закон семантического согласования, валентность и глагольный вид). — Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, 19—36.
- Г а к В. Г. 1973, К проблеме семантической синтагматики. — Проблемы структурной лингвистики 1972, Москва, 349—372.
- 1998, Языковые преобразования, Москва.
- Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 22—24 сентября 2003 г., Санкт-Петербург 2003.
- З а л и з н я к А. А., Ш м е л е в А. Д. 2000, Введение в русскую аспектологию, Москва.
- Ж и р м у н с к и й В. М. 1976, Об аналитических конструкциях. — Избранные труды. Общее и германское языкознание, Ленинград, 82—125.
- Л е м а н Ф. 1997, Грамматическая деривация у вида и типы глагольных лексем. — Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, т. II, Москва, 54—68.
- М а р т и н е А. 1965, Структурные вариации в языке. — Новое в лингвистике, вып. IV, Москва, 450—464.
- П а в л о в В. М. 1998, О месте «аналитической формы слова» и «аналитической конструкции» в грамматической системе. — Типология. Грамматика. Семантика, Санкт-Петербург, 235—245.

- П и х л а к А. И. 1985, Составные и перифрастические глаголы эстонского языка с аспектуальным значением результативности. — Функциональные аспекты грамматики русского языка, Тарту (TRÜT 719), 132—143.
- Проблемы аналитизма. Проблемы аналитизма в лексике, вып. I, Минск 1967.
- Проблемы лексикологии и грамматики (Материалы симпозиума «Аналитические конструкции в лексике»), вып. II, Минск 1967.
- Типология императивных конструкций, Санкт-Петербург 1992.
- Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, т. I—II, 1997, Москва.
- E h a l a, M. 1996, Integreeritud keeleteooria võimalikkusest tänapäeva keeleteaduses (II). — KK, 375—384.
- E s l o n, P. 2004, Mõningatest korrelatsioonidest eesti ja vene verbisüsteemis. — Toimiv keel II. Töid rakenduslingvistika alalt, Tallinn, 103—122.
- G r ü n t h a l, R. 2002, Vormihomoniüümia ja muutuv keel. — Lähivertailuja 12. Tartu (Tartu Ülikooli eesti keele õppetooli toimetised 19), 21—34.
- H a s s e l b l a t t, C. 1990, Das estnische Partikelverb als Lehnübersetzung aus dem Deutschen, Wiesbaden.
- K a s i k, R. 2001, Analytic causatives in Estonian. — Estonian: Typological Studies V, Tartu (TÜ eesti keele õppetooli toimetised 18), 77—122.
- L e h m a n n, C. 1995, Thoughts on grammaticalization, München (LINCOM Studies in Theoretical Linguistics I).
- M e t s l a n g, H. 1994, Temporal Relations in the Predicate and the Grammatical system of Estonian and Finnish. — Oulun yliopiston suomen ja saamen kielen laitoksen tutkimusraportteja 39, Oulu, 177—204.
- 2000, Analytism and Synthetism in the Development of the Tense and Aspect Systems of Literary Estonian. — Grammaticalisation areäle et sémantique cognitive, Les langues fenniques et sames, Tallinn, 119—134.
- 2002, Grammatikalisatsiooniteooriast eesti keele taustal. — Teoreetiline keeleteadus Eestis, Tartu (TÜ üldkeeleteaduse õppetooli toimetised 4), 164—286.
- P i h l a k, A. 1991, Eesti analüütilised versus vene sünteetilised verbid, Tallinn.
- R ä t s e p, H. 1956, *i*-sufiksistest verbidest eesti keeles. — ESA II 1956, 74—91.
- 1957, Aspektikategoriast eesti keeles. — ESA III 1957, 72—81.
- 2002, Eesti keele väljendverbide olemusest. — Sõnaloo raamat, Tartu, 161—172.
- S u t r o p, U. 1997, Entspricht Estnisch dem agglutinierenden Sprachtypus? — Estonian: Typological Studies II, Tartu (TÜ eesti keele õppetooli toimetised 8), 199—219.
- T r a g e l, I. 2001a, Eesti keele tuumverbid, Tartu (Dissertationes linguisticae Universitatis Tartuensis 3).
- 2001, On Estonian core verbs. — Papers in Estonian Cognitive Linguistics, Tartu (TÜ üldkeeleteaduse õppetooli toimetised 2), 145—169.
- V e i s m a n n, A., T r a g e l, I., P a j u s a l u, R. 2002, Eesti keele põhisõnavara operaatoritest. Katseid verbide ja kaassõnadega. — Tähdendusepüüdja, Tartu (TÜ üldkeeleteaduse õppetooli toimetised 3), 312—328.
- V i i t s o, T.-R. 1990, Eesti keele kujunemine flekteerivaks keeleks. — KK, 8—9.
- Õ i m, A. 1980, Tähdenduse diferentseerumine eesti ja vene keeles. — KK 208—214.

PILLE ESLON (Tallinn)

ÜBER DIE GRAMMATIKALISIERUNG VON ANALYTISCHEN VERBEN IN DER ESTNISCHEN SPRACHE

Das Analogum des russischen Aspektpaars das estnische synthetische/analytische Verb ist semantisch einheitlich, aber die Komponenten unterscheiden sich voneinander durch die aspektuelle Bedeutung, die zu vermitteln ist. Das synthetische Verb drückt die Unbestimmtheit der Tätigkeit aus bzw. verhält sich zu diesem Merk-

mal gleichgültig. Das Imperfektive des synthetischen Verbs betont das unregelmäßige grammatische Mittel — das Verbsuffix. Das analytische Verb hingegen konkretisiert und bestimmt die Tätigkeit lexikalisch. Damit ermöglichen die strukturell-semanticen und lexikalisch-grammatischen Eigenschaften der Verben das synthetische und analytische Verb als Analoga des russischen Aspekte-paars zu behandeln.

Auf Grund der Unterschiede im Diskurs, in dem die beiden Verben verwendet werden können, ist es möglich, das synthetische/analytische Verb in drei Gruppen einzuteilen.

Der ersten Gruppe gehören solche Paare an, deren einziges Wesensmerkmal, das die aspektuelle Bedeutung unterscheidet, ihre strukturell-semanticen und lexikalisch-grammatischen Eigenschaften sind.

Zur zweiten Gruppe gehören die Verben, bei deren Verwendung gewisse kontextuelle Einschränkungen hervorgehen (z.B. im Falle der adverbialen untergeordneten Satzglieder).

Die dritte Gruppe bilden solche Verben, die für die Differenzierung der Aspektebedeutung syntaktische Mittel — das Nominativ-, Genitiv- und Partitivobjekt — zu verwenden ermöglichen. Hierbei ist die Abhängigkeit der Verwendungseinschränkungen des synthetischen und analytischen Verbs vom Kasus des Objekts und vom Kontext am deutlichsten zu sehen.

Das Vorhandensein der drei beschriebenen Gruppen weist auf diverse Stufen der Grammatikalisierung hin, die man im Falle der Analoga der russischen Aspekte-paare in der estnischen Sprache beobachten kann. Die Gegenüberstellung synthetisches und analytisches Verb hat sich in der estnischen Sprache noch nicht zur Opposition herausgebildet, also kann vom unoppositionellen aspektuellen Unterschied zwischen dem synthetischen und analytischen Verb gesprochen werden.